ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс

Ежегодник 2012

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс

Ежегодник 2012

Москва 2013

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

ББК 76
И90

Составитель и научный редактор:
докт. истор. наук, проф. Р. П. Овсепян

Редактор:
Е. А. Самылкина

И90 **История отечественных СМИ. Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс. Ежегодник-2012.** – М. : Факультет журналистики МГУ, 2013. – 199 с.

Сборник продолжает практику ежегодной публикации статей преподавателей, научных сотрудников и исследователей факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. В него вошли материалы, освещающие разнообразный круг проблем, связанных с актуальными исследованиями истории отечественных СМИ как единого историко-публицистического процесса.

Для студентов и аспирантов факультетов и отделений журналистики, исследователей истории отечественных СМИ.

И90

© Факультет журналистики МГУ, 2013

Содержание

Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс

Из истории российской печати

Бабюк М. И.
Отечественная журналистика в период перестройки: трансформация политических и социокультурных функций... 5

Бакулин О. А.
Фотография в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны (по материалам журнала «Огонек»)..... 11

Волкова Е. П.
К вопросу о генезисе идеологемы «врага» в советской пропаганде: мифологический аспект..... 22

Тобольцева Н. М.
Ленинская идеологическая доктрина и советская журналистика в контексте НЭП..... 37

Овсепян Р. П.
Возрожденные из небытия..... 50

Кузнецов И. В.
Освещать светом социалистического сознания..... 70

Антонов-Овсеенко А. А.
Российская печать накануне 1917 г.: монархическая модель... 96

Варнакова Г. С.
Большевики глазами русской интеллигенции (По «Газете – протесту Союза русских писателей»)..... 115

Страничка истории периодики русского зарубежья

Бакунцев А. В.
Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции»
в отзывах эмигрантской и советской прессы..... 122

Михалев Н. М.
Формирование политической журналистики
русского зарубежья..... 129

В центре внимания – женщина

Баркова О. Н.
Печатное слово в эмиграции и женщины русского зарубежья
«первой послереволюционной волны». 1917–1939 гг. 148

Минаева О. Д.
«А кликнут клич – и на плечо ты винтовку вскинешь
и пойдешь!» Военная пропаганда в советских
журналах для женщин в 1920–1930-е гг. 162

Говряков И. Ю.
Перо против социального порока:
опыт борьбы публициста с проституцией..... 183

Говряков И. Ю.

Перо против социального порока: опыт борьбы публициста с проституцией

В первые годы советской власти новое правительство стремилось покончить со множеством явлений так называемого «старого мира». Одним из таких явлений, которое не только напоминало большевикам о недавнем капиталистическом прошлом страны, но и активно мешало строить новое общество, была проституция. Недаром на государственном уровне на эту проблему было обращено особенное внимание чиновников – но, оговоримся, до некоторых пор почти исключительно чиновников. Новая власть открыто декларировала свою решительность покончить с пороком в «Тезисах по борьбе с проституцией», которые составили в 1921-м году в Наркомате соцобеспечения. Среди прочих пунктов значилось: «Коммунизм – могила проституции»[1].Главным и чуть ли не единственным серьёзным голосом в публицистике, который открыто поставил вопрос о борьбе с проституцией на повестку дня, был голос знаменитой феминистки Александры Михайловны Коллонтай – политика, общественного деятеля и писателя. В том же 1921-м году в Москве отдельной брошюрой было опубликовано её выступление «Проституция и меры борьбы с ней». С этой речью Коллонтай выступила на III всероссийском совещании заведующих губернскими женотделами. После этой публикации идеи, высказанные в закрытой аудитории, стали достоянием общественности и вызвали целую волну откликов – не только действий со стороны компетентных органов, но и социальной активности среди обычных граждан. Можно с уверенностью утверждать, что речь Коллонтай – наиболее значительное и подробное исследование этой темы для своего времени. С этой точки зрения интересно было бы сравнить теоретические выкладки и практические предложения Коллонтай с произведением, написанным почти за полвека до того – глава «Русская проституция» в книге публициста, этнографа и писателя 70-х годов

XIX века Серафима Шашкова «История Русской женщины». Проследим, что изменилось в общественных взглядах на проституцию за четыре десятилетия и как публицист новой эпохи и новой формации отвечает на старые гендерные вызовы.

Капитализм – благодатная почва для порока

При этом важно понимать, что Коллонтай считала явление проституции чуждым новому советскому строю. Сама сущность этого процесса может, по её мнению, возникнуть и развиваться только в условиях капитализма. Конечно, продажные женщины существовали и в Древней Греции, и в Римской Империи, но явление это, по мысли Александры Михайловны, было гораздо малочисленнее, кроме того, оно носило принципиально иной характер. Чтобы бороться со злом, необходимо это зло назвать и пояснить, в чём оно состоит. Коллонтай пишет: «Проституция – это явление, тесно сплетающееся с нетрудовым доходом, процветавшим в эпоху господства капитала и частной собственности»[2]. Видно, что даже в самом определении проституции по Коллонтай сквозит этот тезис о её капиталистических истоках, о сугубо буржуазном характере современной проституции, который не имеет права быть в новом социалистическом обществе. Более того, дальше мы покажем, что, по мнению публицистки и общественной деятельницы, это социальное явление наносит современному, только встающему на ноги строю в первую очередь экономический ущерб. Не гигиеническая[3], не криминальная и даже не нравственная сторона проституции более всего волнуют Коллонтай. А именно те убытки, которые несёт молодое Советское государство в результате того, что большое количество трудоспособных женщин трудиться во благо нового мира не желает. Проститутка, как считает Александра Михайловна, опасна для социума своим тунеядством. Чтобы обосновать свою мысль, Коллонтай, которая всегда писала образно и чётко, решается совсем уже на полемичное и, безусловно, нелепое по форме заявление: «Советская власть признала женщину трудовой единицей, учитываемой народным хозяйством, поставила её, как рабочую, трудовую силу, на одну доску с мужчиной…»[4]. И это для женщины, по мнению Коллонтай – абсолютное благо. Право трудиться наравне с мужчинами – то, что женщина

получила в результате социалистической революции, и именно через это она должна обрести окончательную свободу, занять своё равное со всеми место в новом обществе. Притом проституция – это пережиток индивидуализма, вопиющий пример неравноправия полов и угнетения женщин, которое в современной, уже советской России неприемлемо и должно остаться лишь в истории – как пример безжалостного капиталистического режима. Коллонтай пишет: «Проституция в нашей советской трудовой республике – это прямое наследие буржуазно-капиталистического прошлого, где только незначительная часть женщин занята была производительным трудом на народное хозяйство, а громадное число, более половины женского населения, жило за счёт труда мужа или отца, кормильца-мужчины»[5].

Немного забегая вперёд, скажем, что экономические причины того, что с наступлением новой эпохи проституция никуда не исчезла и даже умудряется расти, Коллонтай логично связывает еще и с моральными. Далее мы подробнее поговорим об этом, а здесь укажем, что в любом случае, по мысли Коллонтай, экономика даёт толчок всему остальному: капитализм порождает деформацию и деградацию морали и семейных ценностей, но не наоборот. Ничего удивительного – стоит лишь вспомнить о марксистских взглядах Александры Михайловны и обратить внимание на две её объёмные дореволюционные работы – «Социальные основы женского вопроса» и «Общество и материнство», где основной упор автор делает именно на экономический фактор в феминистском дискурсе.

Александра Михайловна Коллонтай провела большую работу и всесторонне изучила историю «древнейшей профессии», разумеется, в то время почти не известную или хотя бы не афишируемую. С отвращением упоминая о том, как в античную эпоху и Средние века к проституции относились как к нормальному жизненному явлению, Коллонтай подводит её историю к тому моменту, когда её уже стыдились и считали делом порочным. Однако невозможно, вчитываясь в первые страницы речи Коллонтай, избавиться от ощущения некоего ностальгического пафоса, с которым она относится к мужчинам древности, которые проституток не то что хулили и сторонились, а возвышали и всячески почитали. «По отношению

к проституции языческой древности, – пишет она далее, – отсутствовал привкус лицемерия, окрашивающий собою нравы буржуазно-капиталистического мира и заставляющий буржуазное общество почтительно снимать шапку перед «законной супругой» магната-капитала, явно продавшей себя нелюбимому мужу, и гадливо отворачиваться от девушки, брошенной в уличную грязь, силой нищеты, беспризорности, безработицы и др. социальных причин, вытекающих из существа капитализма и частной собственности»[6]. Когда отношения из феодальных логично перерастают в отношения купли-продажи, статус проститутки резко падает. И, по мнению Александры Михайловны, происходит этот достаточно стремительный процесс из-за нескольких факторов, среди которых на передний план выходит то явление, за которое, в сущности, Коллонтай всю жизнь боролась и который считала одним из насущнейших условий строительства нового общества. «Впервые в истории проституция приобретает для общества в XIX–XX веке угрожающий характер по размерам своим и по своему характеру; продажа рабочих рук женщины, непрерывно возраставшая, тесно и неразрывно сплетаясь с продажей женского тела, ведёт к тому, что в ряды проституток попадает уже не просто «обесчещенная» брошенная девушка, но и почтенная жена рабочего, мать – ради детей…»[7]

В связи с этим интересно сравнить данный отрывок с тем, что писал о проституции уже упомянутый тут Серафим Шашков – причём нельзя забывать, что творил он за 42 года до публикации доклада Коллонтай. Среди первостепенных причин, провоцирующих рост проституции в российском обществе того времени, публицист перечисляет: «рабство женщины, семейный деспотизм, содержание громадных армий, грубая чувственность, не облагороженная цивилизацией…»[8] Поразительно – но он одновременно и явно противоречит, и словно подтверждает слова Коллонтай. С конца 70-х годов XIX века утекло много воды, и семейный деспотизм превратился в экономическую безысходность семьи, рабство женщины превратилось в почти торговые отношения между супругами: жена уже не подчиняется беспрекословно мужу-тирану, а продаёт свою любовь и верность за определённые блага («Буржуазный мир весь построен на купле и продаже. И самый законный

брак[7], – восклицает Коллонтай, – вмещает в себя несомненную долю материального или хотя бы хозяйственного расчёта»[9]). Изменились и ещё некоторые детали: основной упор писатель-демократ делает именно на санитарную опасность проституции; его размышления об этом общественном явлении пестрят неутешительной статистикой, которую Шашков заимствовал из официальных источников и собственных расследований: «…больных сифилисом приходится считать не десятками тысяч, как показывают официальные данные, а *миллионами*»[10]. Коллонтай же в свою очередь упоминает о венерических болезнях как неотъемлемых пагубных последствиях проституции лишь вскользь.

Поистине, – продолжает Коллонтай, – двуличие и цинизм буржуазной морали переходит все границы. Если раньше проститутка была кем-то вроде альтернативной жены, которая позволяла, скажем, римскому патрицию или феодалу Средневековья разграничить свою интимную и семейную жизнь, не нося ни в одну из них пагубных результатов другой, то к концу XIX века ею начинают откровенно пользоваться, покупать, как вещь, пригодную только для того, чтобы ею раз попользоваться и выбросить, забыв про неё как про досадную мелочь и вернувшись к повседневным заботам почтенного предпринимателя или государственного мужа. «Картина ужаса и безнадёжности, спаянная с эксплоатацией труда капиталом»[11] – резюмирует Александра Коллонтай современное ей положение дел. Вынужденная работать за мизерную зарплату наравне с мужчинами, а параллельно с этим заниматься домашним хозяйством и искать средства на пропитание всей семьи, женщина берёт «приработок». Таким образом, массовое вовлечение женщин в производство, повсеместное внедрение женского труда – то, что Коллонтай считала абсолютно положительным в строящемся социалистическом обществе – становится одним из импульсов для развития проституции в обществе капиталистическом. С одной оговоркой: чтобы теоретически превратить женщину-работницу в проститутку, капиталистический строй должен давать ей меньше средств к существованию, чем она вместе с мужем тратит на себя и детей.

При этом, утверждает Коллонтай, муж-рабочий, ежедневно с утра до вечера проводящий своё время на производстве, в

одиночку также не способен прокормить семью. В то же время мужчина-буржуа, который обеспеченной жизнью пресытился, ищет развлечения «на стороне». Ещё хуже для общества ситуация, когда женщина не работает и даже не занимается домашним хозяйством. В данном случае она, во-первых, страдает от того, что не приносит никакого дохода в семью и оттого мается безделием, а во-вторых вечно надеется на помощь мужчины – будь то муж, любовник, отец или сожитель. Такая женщина, если не обладает достаточной волей и определёнными трудовыми навыками, в сложной, критической ситуации попадает в число потенциальных проституток. Как замечает Коллонтай, продавать своё тело «при капитализме – это исход для женщин, не нашедшей себе мужа-кормильца»[12]. И в то же время, если смотреть на проблему с точки зрения сильного пола: «проституция, при капитализме, - это способ для мужчины пользоваться брачным общением с женщиной, не взваливая на свои плечи длительную, до гробовой доски, материальную заботу о ней…»[13]

Получается замкнутый круг, который, с точки зрения Александры Михайловны, и отображает сущность и причины современной ей проблемы. Женщина, лишившаяся средств к существованию и не желающая работать, либо работающая, но получающая за свой труд жалкие гроши, решает, что продать себя – гораздо легче и «неутомительнее», чем идти на работу. Этим женщина-проститутка поощряет безответственность и легкомыслие мужчин, которые в свою очередь считают, что воспользоваться один раз услугами проститутки гораздо дешевле, проще, чем содержать законную супругу, и таким образом поощряют самих проституток – и так далее без конца. «Плохо оплачиваемый труд, бьющее в глаза социальное неравенство, нездоровая привычка женщины материально зависеть от мужчины, искать опоры не в своих собственных рабочих руках, а в оплате за ласки, со стороны «кормильца» – мужчины, – вот что питает проституцию, вот где надо искать корень этого уродливого и нездорового явления»[14], – подводит промежуточный итог своим рассуждениям Коллонтай[15].

Что же конкретно лежит в основании современных Коллонтай порядков, на какой почве так пышно цветёт проституция? По мнению публицистки, корень всех бед – бедность,

которая возникла в результате неравенства. «Разве не типично, – вопрошает она, – что в капиталистических странах проституция вербовала своих слуг главным образом среди **неимущих слоёв населения**? Самый большой процент проституток дают всегда хуже оплачиваемые профессии работниц, даёт одинокость и беспризорность юности, острая нищета, необходимость порою накормить братишек и сестёр, оставшихся на попечении юной и неимущей девушки»[16]. Понятно, что в данном случае Александра Михайловна за примером далеко не шла. В качестве иллюстрации своих мыслей, своеобразным образцом несчастной нищей девушки, о которой слышал, несомненно, каждый мало-мальски образованный гражданин, в статье Коллонтай выступает Сонечка Мармеладова. Её имя упоминается в тексте всего однажды, но образ юной беднячки, пошедшей по кривой дорожке порока в силу непреодолимых экономических и социальных причин проходит через всё выступление красной нитью. Зачастую несчастные девушки становились заложницами не социальной несправедливости, а родственного самоуправства. По этому поводу уместна ремарка другой замечательной исследовательницы женского вопроса, современницы и частого оппонента Коллонтай в дискуссиях 1910-х гг. Екатерины Николаевны Щепкиной: «Воспитанниц и бедных «барышень» пристраивали, выдавали замуж, слишком часто по собственному произволу. Другого способа помощи бедным не знали в пору натурального хозяйства, как взять в дом, на готовые хлеба»[17].

Примечательно бесхитростное описание типичной ситуации, в результате которой девушка становится проституткой, в одной из провинциальных газет, вышедшей спустя почти 8 лет после начала инициированной Коллонтай кампании. «Девушки в деревне, нередко, беременеют от этих посиделок [сельских вечеринок с танцами и спиртным]. А положение беременной девушки в деревне до сих пор ужасно. Ведь нередко родители выгоняют её как «опозорившую» их»[18]. Это уже 1928-ой год, самое начало коллективизации, когда Александра Коллонтай по факту уже отстранена от работы среди женщин. Однако ситуация, как видно, совсем не изменилась.

Возвращаясь к книге Серафима Шашкова, находим у него даже еще более развернутый список социальных слоёв, в которых продажная любовь цветёт пышным цветом: это ба-

траки, солдаты и фабричные рабочие[19] – все те, кто менее чем через полвека станут основой нового общества. И в другом месте уточняет: «Огромное большинство кухарок, горничных, подёнщиц, фабричных работниц, солдаток, большинство женщин одиноких и неимущих смело может быть отнесено к разряду проституток»[20]. Примеры из жизни и быта перечисленных групп, которые автор приводит для иллюстрации собственных умозаключений, поражают своей натуралистичностью и ужасают масштабами.

Но ситуация не стоит на месте, и спустя четыре десятилетия не только девушки из низших слоёв, как утверждает Коллонтай, способны ступить на путь порока. И в обеспеченных семьях происходят такие драмы, которые заставляют дочь почтенного капиталиста или дворянина идти на панель. Александра Михайловна поясняет: «Чаще всего эти девушки – жертвы ряда трагических обстоятельств, среди которых немаловажную роль играет уродливая, лживо-лицемерная буржуазная «двойная мораль». Согрешившую девушку буржуазная семья выталкивает из своих недр, и, очутившись одинокой, беспомощной, заклеймённой презрением «общества», девушка видела перед собою один исход – проституцию»[21].

Проституция и брак – одно вытекает из другого

В только что процитированном отрывке Коллонтай подходит вплотную к очень больному и в то же время насущному вопросу моральной стороны проституции. По мнению публицистки, в «старом», капиталистическом обществе, где во всех сферах жизни властвовали мужчины, царило лицемерие – как вообще, так и в отношениях с продажными женщинами в частности. Эта двуличность проявляла себя в первую очередь в сфере брака, с которой неразрывно связана проституция. Дело в том, что основой буржуазного брака, как его видела Коллонтай, была именно его официальность, зарегистрированность и оформленность, из которых логично вытекал и его длительный характер. То есть если брачные узы – сколь бы уродливые, вопиюще несправедливые формы они не принимали – признавались обществом законными исключительно при условии, что они длятся постоянно и подтверждены законодательно. В случае, если женщина живёт с мужчиной вне брака – пусть

даже постоянно – либо живёт с разными мужчинами, она признавалась порочной и попадала в ситуацию практически неразрешимую (в сущности, как это случилось – с некоторыми оговорками – с Анной Карениной). Вот как это сформулировала Коллонтай: «В буржуазном обществе проститутка клеймилась не за то, что она не производит полезной работы, и не за то, что она за материальные блага продаёт свои поцелуи (две трети женщин буржуазного общества продавали себя) законному мужу, но за неоформленность брачного общения, за его краткосрочность»[22]. Нелогичность моральных суждений налицо. Но Коллонтай на этом не останавливается, дальше – больше. Мужчина, который, предположим, даже живёт в законном браке и почитается всеми за почтенного и добропорядочного гражданина, но который при этом любит изредка посещать публичный дом, считает своей обязанностью поддерживать свой моральный облик, и при первой же возможности так яростно порицает проституток, покрывает это явление такими бранными словами, что усомниться в его честности и благонамеренности просто невозможно[23]. И снова замкнутый круг, но теперь уже проституция оказывается не внутри него, а как бы под ним. «Лицемерная мораль буржуазного общества, одной стороны, поощряет проституцию, всем укладом своего разбойничьего, эксплоататорского хозяйства, с другой – беспощадно клеймит презрением девушку или женщину, которую нужда толкнула на торную дорогу»[24], – пишет Коллонтай.

Но придя к логичному выводу о том, что одна из основных и, вероятно, наиболее трудно устраняемая причина процветания проституции – это двойная, лживая мораль, Коллонтай делает неверный шаг. Она во всеуслышание провозглашает главной задачей борьбы с проституцией…борьбу с принципами старой семьи. Принципы эти, как можно догадаться, строились, по мнению Коллонтай, на основе уже неактуальных в эпоху военного коммунизма и даже НЭПа капиталистических отношений. Александра Михайловна и раньше открыто выступала против «буржуазной семьи», а в этой статье и вовсе обостряет формулировки до предела. Погоня за выгодой при заключении брака для Коллонтай – абсолютный антоним свободы и любви. «Неправильной, вредной для коллектива является лишь материальная сделка между полами», – пишет она

в своей статье, причём добавляет, что такой сделкой можно и нужно считать не только проституция, но и брак, основанный на грубом материальным расчёте. Это позволяет ей высказать важную идею о бессмыслеености наказывать самих проституток. Ведь по сути, если следовать изложенной логике, она занимается тем же, чем и почтенная хранительница буржуазного очага. Наоборот, вместо того чтобы изолировать продажных женщин от коллектива, их нужно ресоциализировать, то есть ввести в общую систему женского труда. Сознательная, политически грамотная женщина, когда-то свернувшая на торную дорожку, но нашедшая в себе внутреннюю мотивацию вернуться в коллектив рабочих, будет с энтузиазмом строить коммунизм, бороться за революционные идеалы, а тем временем общество сделает всё, чтобы условий для её возможного возвращения к бывшему ремеслу больше не существовало.

И вот как раз эта-то деятельность общества будет направлена, по идее Коллонтай, на уничтожение, как она считала, ушедших в прошлое принципов брака. Несколько раз повторяя и с каждым повторением всё более подчёркивая одну и ту же мысль – «мы должны внести ясность и в брачные отношения, построенные по тому же принципу «купли и продажи»[25] – Коллонтай призывает покончить с некогда священными устоями, опрокинуть старые устои, заменив их на новую, коммунистическую мораль. Истинные узы, по мнению Александры Коллонтай, – это не узы крови, а узы совместного созидания, чувство сплочённости и удовлетворения от совместного труда во имя строительства нового мира. «Коммунистическое общество предполагает такую крепость коллектива, – безапелляционно и не терпя никаких возражений пишет автор, – которая исключает всякую возможность существования изолированной, замкнутой в себе семейной ячейки, с её родственными скрепами, с её семейным эгоизмом, честолюбием и обособленностью»[26].

Но что же ляжет в основе новой семьи, которая, по мысли Коллонтай должна преобразить советское общество и навсегда положить конец проституции? Во-первых, в её основе будет лежать не материальный расчёт, скажем, желание нажить побольше совместного имущества (это отпадает на первом же этапе!), не зависимость одного члена семьи от другого, а свободный выбор, влечение сердца. При этом Коллонтай декла-

рирует и полное отсутствие любого «рассудочного» элемента в отношениях между полами. И если экономические основы новой формы брака – идея не оригинальная (в таком же духе высказывался, например, Август Бебель), то мысль о том, что с проституцией покончит именно отказ от расчёта ментального, холодного взвешивания всех прагматических «за» и «против», действительно интересна и нова. «В основу брачного общения, – пишет она далее, – ляжет здоровый инстинкт воспроизведения, окрашенный в чарующие краски юной влюблённости, в пылкие тона страсти, в мягкий цвет душевной гармонии и созвучности духа, или ярко вспыхивающего, но зато и скоро гаснущего огонька физиологического влечения… Все эти моменты брачного общения ничего общего не имеют с проституцией»[27]. Таким образом, главным оружием в борьбе с проституцией Коллонтай провозглашает борьбу с индивидуалистскими настроениями супругов, которые противоречат новой морали и мешают ей утвердиться в обществе. В целом семья в новой Советской России должна быть одна – «великая трудовая семья победоносного мирового пролетариата»[28].

Разумеется, сквозь увеличительное стекло прошедших лет подобные идеи Александры Михайловны кажутся, по меньшей мере, странными. Мысль о том, что проституция «есть акт насилия женщины над собою во имя внешних, преходящих выгод, в проституции нет места <…> любви и страсти» имеет под собой достаточно крепкий фундамент, но утверждать, будто взгляды Александры Коллонтай на построение принципиально новой семьи прошли проверку времени, – ошибка. И это показали десятилетия, прошедшие со времени публикации программного выступления феминистки в печати. Однако в частном конструктивная критика Александры Коллонтай и некоторые положения её программы по борьбе с проституцией, которую талантливая публицистка и организатор сумела уложить в рамках одной подробной статьи, вдохновили её единомышленников на создание Советов по борьбе с проституцией, работу которых координировал народный комиссар здравоохранения Николай Семашко. Принцип, который он вслед за Коллонтай провозгласил основным – «Бороться с проституцией, а не с проститутками» – принёс немало конкретных позитивных результатов. И только с началом сталинского курса на модернизацию экономи-

ки страны в середине 1920-х годов[29], когда огромные средства были направлены исключительно на достижение этой цели, эта идея стала постепенно подменяться на противоположную. Борьбу не с социальным явлением, а с конкретными людьми повели уже другие органы, подвластные НКВД.

---

[1] Материалы межведомственной комиссии по борьбе с проституцией. – Вып. 1. – М., 1921. – С. 7.

[2] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 4.

[3] Еще в 1918-м году в отдельных регионах Советской России начали издавать специальные циркуляры, призванные урегулировать именно эту, санитарно-эпидемиологическую сторону проблемы. Интересующимся рекомендуем прочесть статью : *Панин С. Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 113–119. Нам же в контексте нашей темы важно то, что Александра Коллонтай не обращала внимание аудитории на эту сторону, ставя акценты на новых, до того времени не считавшихся важными аспектах вопроса.

[4] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 22.

[5] Там же. – С. 5.

[6] Там же. – С. 5.

[7] *Там же.* – С. 6.

[8] *Шашков С. С.* История русской женщины; Гос. Публ. Ист. Б-ка России. – М., 2011. – С 232.

[9] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 6–7.

[10] *Шашков С. С.* История руской женщины; Гос. Публ. Ист. Б-ка России. – М., 2011. – С 233. Там же, в частности, Серафим Шашков перечисляет основные социальные слои, в которых проституция процветает: это батраки, солдаты и фабричные рабочие – все те, кто менее чем через полвека станут основой нового общества. И в другом месте: «Огромное большинство кухарок, горничных, подёнщиц, фабричны работниц, солдаток, большинство женщин одиноких и неимущих смело может быть отнесено к разряду проституток». (стр. 243). Примеры из жизни и быта перечисленных групп, которые автор приводит для иллюстрации собственных умозаключений, поражают своей натуралистичностью и ужасают масштабами.

[11] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 6.

[12] Там же. – С. 7.

[13] Там же. – С. 7.

[14] Там же. – С. 9.

[15] При этом, хотя открыто Коллонтай проституток не оправдывает, всё же некое снисхождение или жалость к падшим женщинам в её речи сквозит. Примерно то же находим в комментарии по тому же вопросу профессионального врача, сотрудника Наркомздрава и заместителя главы Центрального совета по борьбе с проституцией Вольфа Броннера (впоследствии резко перешёл на позиции, прямо противоположные своим прежним взглядам): «Основное положение, из которого мы исходим при построении нашей работы, это то, что борьба с проституцией не должна быть заменена борьбой с проституткой. Проститутки – это только жертвы или определенных условий, или тех мерзавцев, которые их в это дело втягивают» (цит. по: Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 114.

[16] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 8.

[17] *Щепкина Е. Н.* Из истории женской личности в России; Феминист-пресс. – Тверь, 2004. – С. 120.

[18] *Сигал Б.* Больные стороны в половой жизни крестьянской молодёжи // Здоровая деревня – 1928. – № 5. – С. 11.

[19] *Шашков С. С.* История руской женщины; Гос. Публ. Ист. Б-ка России. – М., 2011. – С 233.

[20] Там же. – С 243.

[21] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 8.

[22] Там же. – С. 17.

[23] Стоит сравнить с описанием подобных настроений в книге Шашкова, где презрение к проституткам со стороны их же клиентов дано в красках: «Даже те россияне, которые находятся в постоянных и самых коротких сношениях с проститутками и для которых публичные дома заменяют собой клубы, относятся к этим несчастным женщинам с таким цинизмом, какого никогда не дозволят себе последние, и с таким варварством, какое положительно невозможно в сколько-нибудь цивилизованном человеке. Эти развратники на каждом шагу готовы оскорблять публичную женщину своим презрением. Сколько брани, побоев, издевательств выносят проститутки от своих гостей». (стр. 237–238).

[24] *Коллонтай А. М.* Проституция и меры борьбы с ней (речь на III всероссийском совещании заведующих губженотлелами); Госиздат. – М., 1921. – С. 6.

[25] Там же. – С. 22.

[26] Там же. – С. 22.

[27] Там же. – С. 22.

[28] Там же. – С. 23.

[29] *Панин С. Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы историй. – 2004. – № 9. – С. 115, 118.

История отечественных СМИ

Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс

Ежегодник 2012

Компьютерная верстка
Ю. В. Романова

Подписано в печать 29.03.2013. Формат 60x84/16.
Объем 11,6 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ 13181.

Издание факультета журналистики
Московского государственного университета
УПЛ факультета журналистики МГУ.
125009, Москва, ул. Моховая, 9.